

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

POLITICAL MANAGEMENT

УДК 32.019.51

К СПЕЦИФИКЕ РЕЦЕПЦИИ И. СТАЛИНА В ИДЕОЛОГИИ КИТАИЗИРОВАННОГО МАРКСИЗМА

Сергей Петрович Поцелуев

Мэн Юйфэн

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону,
Российская Федерация

Аннотация. Введение. Статья нацелена на изучение роли И. Сталина в идеологическом дискурсе социалистического Китая в период после XX съезда КПСС.

Методы. Для реализации заявленной цели авторами использовалась методология политического дискурса-анализа с акцентом на анализ концептов как структурных элементов идеологических конструктов.

Анализ. Анализ дискурса КНР о Сталине осуществляется авторами на материале двух редакционных статей 1956 года в «Жэньминь жибао», выступлений Мао Цзэдуна второй половины 1950-х годов и (в более поздний период) публикаций китайских ученых по данной теме.

Заключение. Главной отличительной чертой китайского дискурса о Сталине выступает политический прагматизм, выраженный в оценочной пропорции «30 % ошибок и 70 % заслуг». Оценка И. В. Сталина как исторической фигуры осуществляется руководством КПК в контексте укрепления идеологии «китаизированного марксизма», принципов «социализма с китайской спецификой» и «великого возрождения китайской нации». Одновременно это ставит вопрос о необходимости специальной проработки вопроса о Сталине в отечественной политике памяти.

Ключевые слова: Сталин, Мао Цзэдун, культ личности, китаизированный марксизм, русификация марксизма, возрождение китайской нации, возрождение российской нации, мемориальная политика.

UDC 32.019.51

ON THE SPECIFICS OF I. STALIN'S RECEPTION IN THE IDEOLOGY OF SINICIZED MARXISM

Sergey P. Potseluev

Meng Yufeng

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article is aimed at studying the role of I. Stalin in the ideological discourse of socialist China in the period after the Twentieth Congress of the CPSU.

Methods. To achieve the stated goal, the authors used the methodology of political discourse analysis with an emphasis on the analysis of concepts as structural elements of ideological constructs.

Analysis. The analysis of the PRC's discourse on Stalin is carried out by the authors on the material of two 1956 editorial articles in the «Zhenmin Zhibao», speeches by Mao Zedong in the second half of the 1950s and (in a later period) publications of Chinese scientists on this topic.

Conclusion. The main distinguishing feature of the Chinese discourse about Stalin is political pragmatism, expressed in the estimated proportion of "30 % of mistakes and 70 % of merit." The assessment of I. V. Stalin as a historical figure is carried out by the leadership of the CPC in the context of strengthening the ideology of "Sinicized Marxism", the principles of "socialism with Chinese characteristics" and "the great revival of the Chinese nation". At the same time, this raises the question of the need for a special study of the question of Stalin in the national memory policy.

Keywords: Stalin, Mao Zedong, personality cult, Sinicized Marxism, Russification of Marxism, revival of the Chinese nation, revival of the Russian nation, memory policy.

Введение

Вопрос оценки личности И. Сталина в рамках официальной политики памяти отнюдь не является только внутривнутриполитическим вопросом современной России – он затрагивает память о прошлом многих стран, в особенности бывших советских и социалистических. Тем более это касается мемориальной политики государств, которые и сегодня продолжают связывать свою судьбу с марксизмом и социализмом. Данная статья ставит своей целью прояснить оценку фигуры Сталина в социалистическом Китае через призму официальной идеологии КПК и сопряженных с ней публикаций китайских ученых-обществоведов.

Методология

Данное исследование относится к сфере политического дискурс-анализа, а в более тесном смысле – к анализу идеологических концептов. Последние понимаются как «сложные идеи, придающие порядок и смысл наблюдаемым ... наборам политических явлений и объединяющие ряд связанных представлений (notions)» [22, p. 52]. Идеологические концепты анализируются в данной статье как структурные элементы идеологических конструктов. А возникновение последних – вслед за Т. ван Дейком – трактуется по когнитивному принципу «проблема – ее решение». Причем эта проблема одновременно рассматривается как идейно-политический конфликт с присущей ему по-

ляризацией между «Мы» и «Они» как сторонами конфликта [25, р. 67]. Основной эмпирической базой исследования стали программные документы КПК и выступления политических лидеров КНР.

Анализ

Превращение идеологического концепта «Сталин» в серьезную политическую проблему международного коммунистического движения относится к знаменитому докладу Н. Хрущева на XX съезде КПСС [10]. Со стороны руководства КНР ответом на эти решения стали две редакционные статьи, опубликованные в 1956 году с разницей в несколько месяцев в газете «Жэньминь жибао». Обе статьи написаны в духе оценочной формулы для Сталина, определенной Мао Цзэдуном: «К ошибкам и заслугам Сталина ... применимо соотношение 3:7. Главное и основное в Советском Союзе является хорошим и полезным, а частичное – ошибочным» [3, с. 380]. Однако в смысловой тональности статей есть различия.

В первой статье отмечаются прежде всего заслуги Сталина, причем именно в контексте «великих заслуг советского народа и Коммунистической партии Советского Союза в истории человечества» [4]. Отметив «неизгладимые заслуги Сталина» в достижении всех этих общих успехов советской страны, статья подчеркивает и личные заслуги советского вождя как «достойного и выдающегося борца за марксизм-ленинизм». Благодаря этому имя Сталина, – отмечается в статье, – «пользовалось огромной славой во всем мире» [4]. Уже здесь заметна существенная разница в позитивной оценке Сталина между докладом Хрущева на XX съезде КПСС и позицией КПК. По сути, предложенная Мао формула в хрущевской оценке была обратной: 30 % (если не меньше) заслуг и 70 % ошибок.

С одной стороны, Сталин в докладе Хрущева тоже называется «одним из сильнейших марксистов», который «после смерти В. И. Ленина, особенно в первые годы, активно боролся за ленинизм, против извратителей и врагов ленинского учения» [10, с. 433]. Однако в упомянутом докладе нет позитивной оценки теоретических работ Сталина. В отличие от этого в статье «Жэньминь жибао» утверждается, что «произведения Сталина по-прежнему нужно надлежащим образом изучать» как «важное историческое наследство».

В целом заслуги Сталина выглядят в докладе Хрущева значительно скромнее, чем в китайской статье: рост популярности Сталина в 1920–30-х годах здесь изображается лишь как сопроводительный эффект успехов самого ЦК партии в ходе индустриализации, коллективизации и культурной революции; заслуги Сталина в победе СССР над европейским фашизмом Хрущевым вообще отрицались: по его мысли, страна победила скорее вопреки, чем благодаря руководству Сталина. С другой стороны, негативная часть оценки Сталина на XX съезде КПСС, отчетливо превалируя над ее позитивной частью, выписана в гораздо более драматичных тонах, чем у китайских товарищей. Статья в «Жэньминь жибао» упрекает Сталина в том, что он «допускал самоуправство», «противопоставлял свою личную власть коллективному руководству», в результате чего некоторые его действия шли вразрез с рядом основных положений марксизма-ленинизма, которые он сам же ранее проповедовал. Эти обтекаемые формулировки контрастируют с жесткой риторикой доклада Хрущева, где говорится о «разнузданном произволе» Сталина, о его личной ответственности за «массовые репрессии» и «массовый террор» (10, с. 389, 398, 435). Сама эта терминология недвусмысленно квалифици-

ровала действия Сталина как преступные; в статье же «Жэньминь жибао» речь шла в крайнем случае о «серьезных ошибках».

Уже в первой статье «Жэньминь жибао» содержался призыв подходить к оценке фигуры советского вождя «аналитически» и «с исторической точки зрения». Вторая статья партийного органа КПК, опубликованная в декабре 1956 года, развивает этот подход, концептуально усиливая позицию КПК в этом вопросе, а именно, беря на вооружение теорию «двух типов противоположных по своему характеру противоречий» [1]. К первому типу относились «коренные» (классово-антагонистические) противоречия «между нами и нашими врагами»; ко второму – «противоречия внутри народа», включая противоречия внутри коммунистических партий или между ними. Смещение противоречий, утверждается в статье, объективно и неизбежно поможет врагам «развалить позиции коммунизма» [1]. Другими словами, эта статья как бы между строк внушала мысль советским коммунистам: начиная с отрицания сталинизма как мнимого классового врага, вы закончите прощанием с социалистическим строем, не заметив его буржуазного перерождения (в более узком кругу Мао выражал эту мысль прямым текстом).

В путанице с типами противоречий Мао Цзэдун упрекает не только разоблачителей «культы личности» Сталина, но и самого советского вождя. Последний, по его словам, установил «жесткий диктаторский режим», «когда противоречия внутри народа ошибочно рассматривались как противоречия между нами и врагами» [2, с. 255]. Во второй статье в «Жэньминь жибао» усиливается и критика Сталина за игнорирование равноправного положения партий в международном коммунистическом движении. Теперь это квалифицируется жестким терми-

ном «великодержавный шовинизм». Одновременно вторая статья китайских коммунистов значительно усиливает акцент на мысли о том, что «западная буржуазия пытается использовать ошибки Сталина для доказательства ‘ошибок’ социалистической системы». Сами по себе выражения «сталинизм», «борьба сталинистов и антисталинистов» авторы статьи в «Жэньминь жибао» считают «чрезвычайно вредными», поскольку вместе с отрицанием Сталина они ведут к отрицанию социализма. Более того, статья печатного органа КПК однозначно квалифицирует критику «сталинизма» в рядах коммунистического движения как «ревизионистское течение», неминуемо ведущее к расколу социалистического лагеря, а потому активно используемое «империализмом».

Мао Цзэдун понимал, что «борьба против сталинизма» представляет собой не только идеологический вызов для всего «социалистического лагеря», но и создает прямую угрозу для модернизации КНР, опиравшейся тогда на экономическую поддержку СССР. Отсюда призыв главного печатного органа КПК, содержащий признание ведущей роли КПСС в тогдашнем коммунистическом лагере: «мы должны и впредь укреплять солидарность международного пролетариата с центром в Советском Союзе» [1]. Однако наряду с этим признанием во второй статье «Жэньминь жибао» усилен акцент на необходимости КПК опираться на собственные силы, причем во всех вопросах, включая идейно-политические. Ведь объективно «антисталинская самокритика» КПСС воспринималась в Пекине как аргумент в пользу дистанцирования от Москвы и пересмотру известного принципа «учиться у Советского Союза». Уже в год выхода статей в «Жэньминь жибао» Мао Цзэдун в одном из своих выступлений существенно релятивировал смысл этой сентенции, заметив, что «равным

образом можно учиться хорошему и у буржуазных стран» [2, с. 107].

Редакционные статьи о Сталине в «Жэньминь жибао» несли на себе печать дипломатической сдержанности, тогда как во внутреннем дискурсе самой КПК Мао давал более жесткие оценки и Сталину, и хрущевской оценке Сталина. Однако их общей чертой был не идеологический фанатизм, а политический прагматизм. Этот прагматизм был присущ прежде всего упомянутой пропорции в оценке Сталина: «ошибки у него составляют 30 процентов, а заслуги – 70» [3, с. 365]. Внося это предложение, Мао и не скрывал, что эта формула весьма условна. «Такая оценка, – признавался лидер КПК – вероятно, не совсем точна, ошибки, возможно, составляют лишь 20 процентов, 10 процентов, а, может быть, немногим больше. Словом, главное у Сталина – заслуги, а недостатки и ошибки являются второстепенными» [3, с. 601]. Заметим, что пропорцию 3:7 Мао Цзэдун называл не только «более или менее подходящей», но и «справедливой». Справедливой, прежде всего, с точки зрения «революционной нравственности»; аморален, по словам китайского лидера, сам этот внезапный поворот на 180 градусов, когда «ты делаешь вид, будто ‘твое благородие’ никогда не поддерживал Сталина, а между тем ты его поддерживал, да еще как!» [3, с. 425]. Но это (отчасти наигранное) возмущение имеет у Мао Цзэдуна прагматический смысл: оно в лучшем свете представляет руководство КПК в отличие от хрущевской КПСС: последняя легкомысленно и аморально громит своим «антисталинизмом» собственную идейно-политическую основу, а вот китайские коммунисты, напротив, предпочитают в этом вопросе уравновешенные оценки в духе «истинной диалектики», чем-то напоминающей конфуцианскую «золотую середину». С другой стороны, мо-

ральное возмущение Мао против критики «сталинизма» направлено не столько против «ревизионизма» Хрущева, сколько против оппонентов Мао в КПК. Отмечая, что «подавляющее большинство кадровых работников нашей партии недовольно XX съездом КПСС и считает, что по отношению к Сталину допущен перегиб», Мао обрушивается с критикой на тех китайских коммунистов, которые «кричали, что «Хрущев во всем прав» и «вертелись по мановению жезла Гомулки» [3, с. 425–426].

Мао Цзэдун напрямую связывает два события: с одной стороны, «разнужданные нападки на Сталина», прозвучавшие на XX съезде КПСС, а с другой – «антикоммунистические кампании», поднятые «империалистами» в Польше и Венгрии. В любом случае, хрущевское «развенчание» культа личности Сталина весьма отрицательно сказалось на ряде компартий Европы и Америки, считает лидер КПК. И тут же прагматически обыгрывает эту ситуацию в свою пользу, заявляя: в отличие от западных коммунистов, влияние XX съезда КПСС на компартии восточных стран оказалось сравнительно меньшим. Тем выгоднее предстает тогда имидж КПК в международном коммунистическом движении: в отличие от хрущевского руководства КПСС, отбросившего не только меч Сталина но и «в довольно значительной мере ... Ленина как меч» [3, с. 409], китайские коммунисты во главе с Мао ставят отброшенные мечи во главу угла и позиционируют себя как единственно революционная партия современности, защищающая основы марксизма-ленинизма.

Заметим, что критика Мао в адрес Сталина отнюдь не ограничивается повторением тезисов, прозвучавших в упомянутых редакционных статьях газеты «Жэньминь жибао». В своих выступлениях периода 1956–57 гг. китайский лидер деконструирует

ритуальный стереотип перечисления классиков марксизма-ленинизма: Маркс – Энгельс – Ленин – Сталин. Деконструкция начинается с заявления, что по сравнению с первыми тремя именами Сталин «несколько слабее» как теоретик. Сталин, по словам Мао, «во многом грешил метафизикой и многих обучил ей»; он «говорит только о борьбе противоположностей и не говорит об их единстве» [3, с. 441–442]; да и диалектический «закон отрицания отрицания» советский вождь, по словам Мао, тоже не понял [2, с. 140]. Эти, казалось бы, чисто философские упреки в адрес советского вождя имели у Мао четкий политико-прагматический смысл продвижения «китаизированного марксизма» как самой «диалектической» версии марксистской теории. «Мы признаем наличие в социализме противоположных явлений, а вот Сталин был метафизиком и страдал субъективизмом»; «Сталин не признавал, что и социализм ‘отрицаем’. Мы вот признаем, что Поднебесная устойчива и в то же время неустойчива» и т. п. [2, с. 139–140].

В развитие этой линии Мао Цзэдун уже с 1956 года начинает разворачивать нарратив о своих несогласиях со Сталиным в вопросах китайской революции. Догматизм Сталина, говорил Мао, оказал фатальное негативное влияние на Китай, приведя к тому, что «на одном этапе революция потерпела поражение, и если бы мы действовали по Сталину и дальше, то из революции в дальнейшем ничего бы не получилось» [2, с. 242]. А выступая в январе 1957 года на одном из партийных совещаний, председатель КПК заметил: «у нас со Сталиным были различные точки зрения: мы хотели заключить китайско-советский договор, а он – нет, мы хотели вернуть Китайскую Чанчуньскую железную дорогу, а он не отдавал¹. Но ока-

залось, что и из пасти тигра можно вырвать кусок мяса» [2, с. 128]. Сочная метафора о советском империалистическом хищнике в завершении этой сентенции особенно сильно контрастирует с духом знаменитой статьи Мао Цзэдуна 1938 года («Сталин – друг китайского народа»), где, помимо прочего, утверждалось, что ни одна страна не отказывалась от своих привилегий в Китае, и только Советский Союз от них отказался.

Но дело, по мысли Председателя КПК, было не только в Сталине, но и в природе, – если выразиться в стиле Мао – «русифицированного» марксизма. В одном из своих выступлений 1957 года лидер КПК замечает, что «советские товарищи не меняются, они любят оказывать давление» [2, с. 152]; Сталин, в отличие от Маркса и Ленина, «критиковал не на равных, очень легко становился в позу отца, ругающего сына» [2, с. 149]; некоторые советские (русские) люди, по словам Мао, вообще «страдают метафизикой и окостенением мысли», а потому совершают политические ошибки. А в народном Китае дело обстоит иначе: «Твердо придерживаясь точки зрения единства противоположностей, мы применяем курс ‘пусть расцветают сто цветов, пусть соперничают сто школ’» [3, с. 443]. Правда, цветы идейного плюрализма цвели в КНР 1950-х годов совсем недолго, а вот обвинение советских руководителей в догматизме и метафизике несколько задержалось.

1952 году Китайской Чанчуньской железной дороги (бывшей (до 1945 года) Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД), построенной Россией в 1898–1903 гг.). По словам О. Б. Рахманина, советского историка и дипломата, в ходе своих переговоров с И. В. Сталиным в декабре 1949 – феврале 1950 гг. Мао Цзэдун, будучи уже Председателем КНР, подчеркивал: «Нынешнее положение с КЧЖД и Порт-Артуром соответствует интересам Китая, так как сил одного Китая недостаточно для того, чтобы успешно бороться против империалистической агрессии. Кроме того, КЧЖД является школой по подготовке китайских железнодорожных и промышленных кадров» [7, с. 87].

¹ Современные российские авторы несколько иначе толкуют историю безвозмездной передачи КНР в

Но как изменилось отношение к Сталину в КНР после ухода Мао Цзэдуна? В 1981 году партия китайских коммунистов вновь предприняла оценку своего прошлого, переосмысливая драматичный опыт «большого скачка» и «культурной революции». И если в официальной идеологической доктрине Советского Союза имя Сталина после XX съезда КПСС было исключено из классиков «марксизма-ленинизма», то в «Решении по некоторым вопросам истории КПК со времени образования КНР», принятом на 6-м Пленуме ЦК КПК 11-го созыва в июне 1981 года, это имя еще остается частью ритуального ряда: Маркс – Энгельс – Ленин – Сталин. Однако имя «Сталин» употребляется в «Решении ...» ровно три раза, все еще уважительно, хотя и без признаков возвеличивания. В документе китайских коммунистов, прощающихся в этот период с культом личности самого Мао Цзэдуна, подчеркивается, что «научные труды Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина служат нам руководством к действию, но не могут дать нам готовые ответы на различные вопросы, возникающие в деле социализма в нашей стране» [8, с. 46].

«Решение ...» 1981 года не только не подвергало ревизии дух маоистской оценки Сталина по формуле 3:7, но и распространяло такой подход к оценке самого «Великого Кормчего». В документе выражалось категорическое несогласие с теми, «кто, ссылаясь на допущенные товарищем Мао Цзэдуном в последние годы его жизни ошибки, пытается отрицать научную ценность идей Мао Цзэдуна и их направляющую роль в деле революции и строительства нашей страны» [8, с. 76]. Одновременно советское руководство обвинялось в том, что оно из-за своего «великодержавного шовинизма» спровоцировало в КНР «движение против ревизионизма и за его предотвращение, что способствовало еще более глубокому заблуждению внутри

партии, выражавшемуся в раздувании классово-борьбы» [8, с. 47–48]. В любом случае, и в 1981 году руководство КПК было убеждено, что «нам следует изучать научные труды товарища Мао Цзэдуна наряду с изучением научных трудов Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина» [8, с. 76]. Дэн Сяопин, касаясь в одном из своих выступлений решений XX съезда относительно сталинского «культ личности», заявил: «Мы не можем требовать от великих лидеров, великих деятелей и мыслителей быть свободными от недостатков и ошибок, это требование не является марксистской позицией. ... ЦК КПК и китайский народ никогда не сделают нечто подобное тому, что сделал Хрущев» [20, с. 435].

В отличие от упомянутого «Решения ...» 1981 года, имя Сталина вообще не упоминается в тексте позднейшего документа ЦК КПК, содержащего официальную версию трактовки истории партии в эпоху Си Цзиньпина, а именно, в «Решении ЦК КПК об основных достижениях и историческом опыте столетней борьбы партии», принятом 6-м пленумом ЦК КПК 19-го созыва 11 ноября 2021 года. Не упоминается Сталин и в докладах Си Цзиньпина на XIX и XX съездах КПК, равно как нет его в последних редакциях Устава КПК. Правда, в новейшей редакции Устава компартии Китая 13 раз встречается выражение «марксизм-ленинизм» (для сравнения: в редакции Устава КПК, принятой ее XIX съездом, таких случаев было только 3), однако имена «Маркс» и «Ленин» отдельно ни там, ни в докладах Си Цзиньпина на съездах партии не упоминаются.

Но, хотя упоминания Сталина нет в материалах последних съездов КПК, западные публицисты в последнее время настойчиво проводят мысль о том, что нынешний лидер Китая Си Цзиньпин «позиционирует себя в качестве защитника сталинского

наследия» [23], «становится все больше похож на Сталина в преддверии Второй мировой войны» [24] и т. п. В этой связи любопытно посмотреть, как фигура Сталина оценивалась китайскими учеными в постмаоистском Китае.

В своих оценках Сталина многие современные китайские обществоведы, прежде всего, повторяют в разных вариациях упомянутую формулу Мао в оценке Сталина: «30 % ошибок, 70 % заслуг», а также официальный перечень его заслуг и ошибок, как они были озвучены в Китае в период 1950–1960-х годов. Но в последние десятилетия появились и новые моменты, обусловленные как большей исторической дистанцией, так и эволюцией постмаоистской версии китайского социализма. Прежде всего, есть китайские авторы, которые полностью отвергают сталинскую модель социализма, поскольку считают, что именно присущие ей глубокие противоречия привели в конце концов к гибели Советского Союза [13]. Другие, соглашаясь, что ошибки и недостатки сталинской модели существенно связаны с распадом СССР, одновременно указывают на нелинейность этой связи. Основная причина крушения советского государства по мнению этих авторов – не сама модель сталинского социализма, а необдуманный радикализм ее отрицания [19]. В последние десятилетия заметна в КНР и оценка сталинского периода СССР с точки зрения понятий модернизации и стабильности – центральных в идеологии постмаоистской КНР. Так, китайский ученый Юй Лянцзао приходит к выводу, что сталинская экономическая модель с ее мощной государственной властью была способна лучше обеспечивать социальную и политическую стабильность (как предпосылку успешной экономической модернизации), чем системы британского и французского капитализма [21].

Заметим, что историческое оправдание «серьезных ошибок» Сталина не ограничивается у современных китайских авторов только судьбой коммунистического движения, но получает более широкий исторический контекст. По словам китайского политолога Ван Вэя, это – факт, что из-за политических ошибок Сталина миллионы людей в СССР были репрессированы либо умерли от голода. Однако, как и в случае с Цинь Шихуанди, который захватил шесть стран, чтобы объединить Китай, или Бисмарком, который объединил Германию «железом и кровью», заслуги Сталина намного превзошли его ошибки. По убеждению этого (заметим, молодого) автора, жертвы и здесь были не напрасны: высокоцентрализованная политическая и экономическая система, установленная Сталиным, позволила Советскому Союзу завершить индустриализацию за дюжину лет, на которую капиталистическим странам потребовалось одно или два столетия; до Второй мировой войны ВВП Советского Союза уже занимал первое место в Европе и второе место в мире, уступая только США. Под руководством Сталина во время Второй мировой войны советские солдаты и народы внесли решающий вклад в победу над фашизмом, а после войны СССР стал могучей социалистической державой, объединившей вокруг себя социалистический лагерь [11].

Более дифференцированно оценивается сегодня в КНР и роль Сталина в победе над фашизмом. По словам китайского историка Цзо Фэнжуна, будучи верховным лидером Советского Союза и «одним из командиров всемирного антифашистского единого фронта», Сталин сыграл выдающуюся роль в разгроме фашистской Германии и Японии. Неверно клеветать на эти исторические заслуги Сталина, приравнивая его к Гитлеру. Но неправильно, с другой стороны, и не ви-

деть ошибок Сталина, к примеру, устроенную им накануне мировой войны «великую чистку» в армии, что стало одной из причин ее будущих неудач. А принудительное выселение Сталиным национальных меньшинств тоже оставило после себя скрытые опасности, которые невозможно устранить до сих пор. Наконец, сговор Сталина с нацистской Германией по разделу Европы привел к тому, что Советский Союз утратил свое моральное преимущество накануне мировой войны [18].

Особый интерес представляют собой работы китайских ученых, в которых оценка фигуры Сталина проецируется на современную Россию, на складывающуюся в ней идеологическую ситуацию. В этой связи обращает на себя внимание прочтение сталинского наследия как аналога маоистской «китаизации марксизма». Политолог Ван Хаобинь считает, что Сталин активно продвигал процесс сочетания универсальных принципов марксизма с практикой российского социалистического строительства и тем самым существенно способствовал успеху «русской локализации марксизма» [12]. Еще дальше идет Сюй Чжимин, считая сталинский период советской истории этапом ускоренного процесса «русификации марксизма» (马克思主义俄国化: Макэсы чжуи э го хуа) [15]. Более того, ряд китайских авторов прямо называют Сталина «русским националистом», причем в позитивном смысле. Как заметил Чжан Сиэнь, профессор Института политологии и государственного управления Шаньдунского университета, Сталин по своим убеждениям был прежде всего националистом (民族主义者: миньцзу чжуи чжэ), а уже потом – марксистом; он сосредоточился на национальном духе велико-русизма (大俄罗斯主义的民族精神: да элосы чжуи дэ миньцзу цзиншэнь). Национальное

сознание могущественной страны, традиция ставить себя превыше всех, а также национальная концепция централизованного самодержавия (集权专制: цзицюань чжуаньчжи) нашли свое воплощение и в Сталине. Пролетарский вождь, по словам Чжан Сиэня, совершил много ошибок в своей политической жизни, причинивших немалый вред России. Но с точки зрения его пожизненной приверженности делу «возрождения российской нации» и восстановления ее международного престижа путем победы над немецким фашизмом, Сталин является «национальным героем России» [17].

С учетом этих сентенций становится понятным, почему ряд китайских авторов выражают недоумение относительно нежелания современных российских властей использовать фигуру Сталина, помимо прочего, как позитивный момент национальной памяти. При этом китайские социологи хорошо осведомлены о росте популярности Сталина среди части современного российского населения. Научный сотрудник Академии общественных наук КНР Ма Луншань замечает в этой связи, что сталинский «ренессанс» в современной России в основном проявляется в трех моментах: первый – это победа в Великой Отечественной войне, с которой прочно ассоциируется Сталин; второй – это ведение дипломатии с позиции силы, что также связывается со сталинским стилем руководства; третий момент – стабильность и порядок во время сталинского правления. Однако, замечает китайский политолог, российские политические и академические круги не подвергли прагматической переоценке роль Сталина как исторической личности, из-за чего нынешний сталинский «ренессанс» в низах общества, включая призывы к «железной руке», остается идеологически не востребуемым ресурсом официальной идеологии [14]. Еще более прово-

кативно высказывается китайский историк У Хуйсинь: по его мнению, конечной целью переоценки Сталина и сталинизма нынешним российским обществом могло бы стать «великое возрождение российской нации» и построение могущественного российского государства. Ведь «великий национальный дух» и комплекс могущественной страны, представленные Сталиным и сталинизмом, также преследовали цель национального возрождения [16].

Очевидно, что в этих суждениях китайских авторов отражаются идеи, ставшие сегодня частью «социализма с китайской спецификой в новую эпоху» – официальной идеологии КНР во главе с Си Цзиньпином, который в сходном стиле говорит о «великом возрождении китайской нации». Но может ли оценочная пропорция 3:7, обращенная сначала Мао Цзэдуном к Сталину, а потом Дэн Сяопином к самому Мао Цзэду, работать и в постсоветской России? Однозначный ответ на этот вопрос вряд ли возможен, но некоторые данные социологических опросов последних лет указывают, по крайней мере, на политическую потребность в таком ответе. И эти данные меньше всего внушают мысль, что личность Сталина отходит на задний план в оценках россиянами своей истории. Проведенный ВЦИОМ в 2017 году опрос, посвященный изучению отношения жителей России к размещению памятных знаков Сталину, показал, что 62 % респондентов согласны с мнением, что доски, бюсты и пр., посвященные Сталину, нужно размещать в публичных местах. Причем, как отмечается в отчете ВЦИОМ, «активнее других ‘за’ по всем вопросам высказывается молодежь, тогда как среди пожилых людей более четко проявляется позиция несогласия» [6].

Характерно, что в пользу такого вывода говорят и результаты сходных исследо-

ваний, проведенных Левада-Центром¹, который трудно заподозрить в симпатиях к сталинизму. Так, в его опросе 2021 года больше половины россиян (56 %) были скорее согласны и полностью согласны с тем, что «Сталин был великим вождём», и только 14 % респондентов придерживались обратной точки зрения [5]. При этом почти половина опрошенных (48 %) поддерживала установку памятника Сталину, а за идею строительства музейного комплекса «Сталин-Центр» высказались порядка 60 % респондентов, что вдвое превышало число противников этой идеи. Причем и по данным этого социологического центра, молодежь среди сторонников музея Сталина встречается чаще пожилых [9].

Таким образом, реабилитация Сталина в общественном мнении – это отнюдь не советское наследие, а скорее постсоветский феномен, причем последних двух десятилетий. Во всяком случае, мы видим почти у двух третей россиян более или менее позитивную оценку роли Сталина в отечественной истории. Это вполне укладывается в русло китайской формулы 30:70 % – факт, который дает повод задуматься не только социологам и политологам, но также политикам и управленцам.

Заключение

Как мы видели, известная формула Мао Цзэдуна для оценки И. Сталина (30 % ошибок и 70 % заслуг) всегда имела для китайского руководства не абстрактно-теоретический, а политико-прагматический смысл. Эта оценочная пропорция позволяла, с одной стороны, не навредить общей идеологической основе политических режимов в СССР и КНР, а с другой – использовать кри-

¹ АНО «Левада-Центр» внесена Минюстом в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента.

тику сталинского «культа личности» для легитимации и популяризации курса КПК как самостоятельной и более разумной, чем политика КПСС, стратегии. Причем более разумной в двояком смысле: и в оценке самого Сталина, и в оценке хрущевского «разоблачения» его культа. И в период после Мао эта двоякого рода критика советского идеологического опыта использовалась в официальном дискурсе КНР как дополнительный аргумент в пользу идейно-политического суверенитета КПК в его борьбе против «оппортунистических линий», «антипартийных блоков» и «великодержавного гегемонизма». Однако с приходом к руководству КНР Си Цзиньпина

оценка фигуры Сталина в Китае приобрела новые смыслы. В контексте идеи «великого возрождения китайской нации» ученые КНР развивают спроецированный на постсоветскую Россию концепт Сталина как символический ресурс «возрождения российской нации». Эта трактовка корреспондирует с данными социологических опросов последних лет, согласно которым большинство россиян приветствуют увековечивание позитивной памяти о И. Сталине. Для российских властей отсюда вытекает необходимость сделать фигуру Сталина специальным объектом проработки «трудного прошлого» в рамках продуманной мемориальной политики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ещё раз об историческом опыте диктатуры пролетариата (Статья в газете «Жэньминь жибао») // Правда. № 365 (14028). 30 декабря 1956.
2. Мао Цзэдун. Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати. Перевод с китайского. Выпуск первый: апрель 1950 – июль 1957 года. М.: «Прогресс», 1975. 314 с.
3. Мао Цзэдун. Избранные произведения в 5 томах. Т. 5. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1977. 638 с.
4. Об историческом опыте диктатуры пролетариата (Редакционная статья газеты «Жэньминь жибао») // Дружба. 18.05.1956.
5. Отношение к Сталину: Россия и Украина // Левада-Центр. 23.06.2021. URL: <https://www.levada.ru/2021/06/23/otnoshenie-k-stalinu-rossiya-i-ukraina/> (дата обращения 25.05.2023).
6. Память о Сталине: за и против. Аналитический обзор // Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). 20.07.2017. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pamyat-o-staline-za-i-protiv> (дата обращения 25.05.2023).
7. Рахманин О. Б. Взаимоотношения И. В. Сталина и Мао Цзэдуна глазами очевидца // Новая и новейшая история. 1998. № 1. С. 78–91.
8. Решение по некоторым вопросам истории КПК. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1981. 135 с.
9. Сталин-Центр и памятник Сталину // Левада-Центр. 04.08.2021. URL: <https://www.levada.ru/2021/08/04/stalin-tsentr-i-pamyatnik-stalinu/> (дата обращения 25.05.2023).
10. Хрущев Н. С. О культе личности и его последствиях: Доклад на XX съезде КПСС 25 февраля 1956 года // Сталин И. В. Сочинения. Т. 16. М.: Писатель, 1997. С. 381–440.
11. Ван Вэй. Сыдалинь моши дуй Мао Цзэдун таньсо чжунго шэхуй чжуи цзяньшэ даолу дэ инсян. Шоши сюевэй луньвэнь. Яньань дасюе [Влияние сталинской модели на исследование Мао Цзэдуном строительства социалистического пути в Ки-

тае. Диссертация. Яньаньский университет, 2012]. 43 с.

12. Ван Хаобинь. Шилунь Сыдалинь дуй Макэсы чжуи бэньтухуа дэ шицзянь цюаньши [О практической интерпретации Сталиным локализации марксизма] // Сычуань чжие цзишу сюеюань сюебао [Журнал Сычуаньского профессионально-технического колледжа]. 2009. № 4. С. 1–4.

13. Лю Кэминь. Сыдалинь моши: Вэйнан чжэнцюе чули тун цзыбэнь чжуи дэ гуаньси [Модель Сталина: неспособность правильно понять отношения с капитализмом] // Элосы чжун я дун оу яньцзо [Исследование России, Центральной Азии и Восточной Европы]. 2004. № 4. С. 2–9.

14. Ма Луншань. Данцзинь элосы дэ Сыдалинь жэ [«Сталинская лихорадка» в современной России] // Бай нянь чао [Вековое движение]. 2005. № 6. С. 61–65.

15. Сюй Чжимин. Макэсы чжуи эгохуа цзиньчэн чжун дэ цзясу цзедуань – Сыдалинь цзяньшэ шэхуй чжуи сысян дэ саньцы чжуаньбянь [Ускоренный этап процесса русификации марксизма – три трансформации сталинской идеи построения социализма] // Макэсы чжуи яньцзю [Вопросы марксизма]. 2008. № 10. С. 47–53.

16. У Хуйсинь. Шиси элосы дуй Сыдалинь чжуи дэ чунсинь пинцзя [Анализ российской переоценки сталинизма] // Сиболия яньцзю [Сибирские исследования]. 2006. № 5. С. 79–83.

17. Хуан Дэнсюе. Чун пин Сыдалинь: фанфа юй сыкао – Сыдалинь вэньти цзай яньцзю сюешу яньтао хуй цзуншу [Переоценка Сталина: методология и размышление – переосмысление проблемы Сталина (научная конференция)] // Дандай шицзе юй шэхуй чжуи [Современный мир и социализм]. 2006. № 2. С. 96–99.

18. Цзо Фэнжун. Ин цюаньмянь кэгунань ди пинцзя Сыдалинь цзай эр чжань чжун дэ цзо юн [Всесторонняя и объективная оценка роли Сталина во Второй мировой войне] // Таньсо юй чжэнмин [Исследование и дискуссия]. 2010. № 7. С. 26–29.

19. Чжоу Синьчэн. Сыдалинь моши бяньси [Анализ модели Сталина] // Цюши [В поисках истины]. 2005. № 2. С. 64–66.

20. Чжунгун чжунян вэньсянь яньцзюши. Дэн Сяопин няньпу [Центр по изучению партийных документов при ЦК КПК. Хроники Дэн Сяопина]. Пекин: Издво «Чжунян вэньсянь чубаньшэ», 2004. 1383 с.

21. Юй Лянцзао. Вэньдин дэ цюйсян: сулянь шэхуй чжуи моши дэ лиши бижань син хэ хэли син [Ориентация на стабильность: историческая неизбежность и рациональность советской социалистической модели] // Элосы чжун я дун оу яньцзо [Исследование России, Центральной Азии и Восточной Европы]. 2004. № 6. С. 1–6.

22. Freedman M. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. Oxford: Clarendon Press, 2006. 592 p.

23. Pomfret J. Xi Jinping's quest to revive Stalin's communist ideology // The Washington Post. October 16, 2017. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/global-opinions/wp/2017/10/16/xi-jinpings-quest-to-revive-stalins-communist-ideology/> (available at: 25.05.2023).

24. Ryvkin B. Xi Jinping is acting like Stalin // The Spectator. 29 April 2023. URL: <https://www.spectator.co.uk/article/xi-jinping-is-acting-like-stalin/> (available at: 25.05.2023).

25. Van Dijk T. A. Ideology: A Multi-disciplinary Approach. London: SAGE Publications, 1998. 384 p.

REFERENCES

1. Yeshcho raz ob istoricheskom opyte diktatury proletariata (Stat'ya v gazete «Zhen'min Zhibao») [Once again about the historical experience of the dictatorship of the proletariat (Article in the newspaper «Zhen'min Zhibao»)] // Pravda, no. 365 (14028), December 30, 1956.
2. Mao Zedong. Vystupleniya Mao Zedonga, raneye ne publikovavshiyesya v kitayskoy pechati. Pervod s kitayskogo. Vypusk pervyy: aprel' 1950 – iyul' 1957 goda [Speeches by Mao Zedong, previously unpublished in the Chinese press. Translated from Chinese. The first issue: April 1950 – July 1957.]. Moscow: «Progress», 1975. 314 p.
3. Mao Zedong. Izbrannyye proizvedeniya v 5 tomakh. T. 5. Pekin: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh [Selected works in 5 volumes. Vol. 5. Beijing: Publishing House of Literature in Foreign Languages], 1977. 638 p.
4. Ob istoricheskom opyte diktatury proletariata (Redaktsionnaya stat'ya gazety «Zhen'min Zhibao») [About the historical experience of the dictatorship of the proletariat (Editorial article of the newspaper «Zhen'min Zhibao»)] // Druzhba [Friendship]. 18.05.1956.
5. Otnosheniye k Stalinu: Rossiya i Ukraina [Attitude to Stalin: Russia and Ukraine] // Levada-Tsentr [Levada Center]. 23.06.2021. URL: <https://www.levada.ru/2021/06/23/otnoshenie-k-stalinu-rossiya-i-ukraina/> (available at: 25.05.2023).
6. Pamyat' o Staline: za i protiv. Analiticheskiy obzor [The memory of Stalin: pros and cons. Analytical review] // Vse-rossiyskiy tsentr izucheniya obshchestvennogo mneniya (VTSIOM). 20.07.2017 [All-Russian Center for the Study of Public Opinion. July 20, 2017]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/pamyat-o-staline-za-i-protiv> (available at: 25.05.2023).
7. Rakhmanin O. B. Vzaimootnosheniya I. V. Stalina i Mao Tszeduna glazami ochevidtza [The relationship of I. V. Stalin and Mao Zedong through the eyes of an eyewitness] // Novaya i noveyshaya istoriya [New and modern history]. 1998, no. 1, pp. 78-91.
8. Resheniye po nekotorym voprosam istorii KPK. Pekin: Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh [The decision on some issues of the history of the CPC. Beijing: Publishing House of Literature in Foreign Languages], 1981. 135 p.
9. Stalin-Tsentr i pamyatnik Stalinu [The Stalin Center and the monument to Stalin] // Levada-Tsentr. 04.08.2021. [Levada Center. August 04, 2021] URL: <https://www.levada.ru/2021/08/04/stalin-tsentr-i-pamyatnik-stalinu/> (available at: 25.05.2023).
10. Khrushchev N. S. O kul'te lichnosti iyego posledstviyakh: Doklad na XX s'yezde KPSS 25 fevralya 1956 goda [About the cult of personality and its consequences: Report at the XX Congress of the CPSU on February 25, 1956] // Stalin I. V. Sochineniya. T. 16. M.: Izdatel'stvo «Pisatel'» [Stalin I. V. Essays. Vol. 16. Moscow: «Writer»], 1997, pp. 381–440.
11. Wang Wei. Sydalin' moshi duy Mao Zedong tan'so chzhungo shekhuy chzhui tszyan'she daolu de insyan. Shoshi syuyevy lun'ven'. Yan'an' dasyuye [The influence of the Stalinist model on Mao Zedong's exploration of China's socialist construction path. Master's thesis. – Yan'an University]. 2012. 43 p.
12. Wang Haobin. Shilun' Sydalin' duy Makesy chzhui ben'tukhua de shitszyan' tsyuan'shi [An experimental discussion on Stalin's practical interpretation of the localization of Marxism] // Sychuan' chzhiye tszishu syuyeyuan' syuyebao [Journal of Sichuan Voca-

tional and Technical College]. 2009, no. 4, pp. 1–4.

13. Liu Kemin. Sydalin' moshi: Veynen chzhentsyuye chuli tun tszyben' chzhui de guan'si [The Stalinist model: Failure to properly handle the relationship with capitalism] // Elosy chzhun ya dun ou yan'tszo [Research on Russia, Central Asia and Eastern Europe]. 2004, no. 4, pp. 2–9.

14. Ma Lunshan'. Dantszin' elosy de Sydalin' zhe [The «Stalin Fever» in Russia today] // Bay nyan' chao [A hundred years of tide]. 2005, no. 6, pp. 61–65.

15. Xu Zhiming. Makesy chzhui egokhua tszin'chen chzhun de tszyasu tszeduan' – Sydalin' tszyan'she shekhuy chzhui sysyan de san'tsy chzhuan'byan' [The accelerated stage in the process of Russification of Marxism – the three transformations of Stalin's thought of building socialism] // Makesy chzhui yan'tszyu [Marxist Studies]. 2008, no. 10, pp. 47–53.

16. Wu Huixin. Shisi elosy duy Sydalin' chzhui de chunsin' pintszya [Try to analyze Russia's re-evaluation of Stalinism] // Siboliya yan'tszyu [Siberian Studies]. 2006, no. 5, pp. 79–83.

17. Huang Denxue. Chun pin Sydalin': fanfa yuy sykao – Sydalin' ven'ti tszay yan'tszyu syuyeshu yan'tao khuy tszunshu [Re-evaluation of Stalin: Methods and Thinking – Summary of the Academic Seminar on «Rethinking the Stalin Problem»] // Danday shitsze yuy shchekhuy chzhui [The Contemporary World and Socialism]. 2006, no. 2, pp. 96–99.

18. Zuo Fengrong. In tsyuan'myan' keguan' di pintszya Sydalin' tszay er chzhan' chzhun de tszo yun [Stalin's role in World War II should be comprehensively and objectively

evaluated] // Tan'so yuy chzhenmin [Exploration and controversy]. 2010, no. 7, pp. 26–29.

19. Zhou Xincheng. Sydalin' moshi byan'si [Analysis of the «Stalinist Model»] // Tsyushi [Seeking truth]. 2005, no. 2, pp. 64–66.

20. Chzhungun chzhunyan ven'syan' yan'tszyushi. Deng Xiaoping nyan'pu [Literature Research Office of the Central Committee of the Communist Party of China. Deng Xiaoping's Chronology]. Beijing: Izd-vo «Chzhunyan ven'syan' chuban'she» [Central Literature Publishing House], 2004. 1383 p.

21. Yuy Lyantszao. Ven'din de tsyuysyan: sulyan' shekhuy chzhui moshi de lishi bizhan' sin khe kheli sin [The orientation of «stability»: the historical inevitability and rationality of the Soviet socialist model] // Elosy chzhun ya dun ou yan'tszo [Research on Russia, Central Asia and Eastern Europe]. 2004, no. 6, pp. 1–6.

22. Freedon M. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. Oxford: Clarendon Press, 2006. 592 p.

23. Pomfret J. Xi Jinping's quest to revive Stalin's communist ideology // The Washington Post. October 16, 2017. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/global-opinions/wp/2017/10/16/xi-jinpings-quest-to-revive-stalins-communist-ideology/> (available at: 25.05.2023).

24. Ryvkin B. Xi Jinping is acting like Stalin // The Spectator. 29 April 2023. URL: <https://www.spectator.co.uk/article/xi-jinping-is-acting-like-stalin/> (available at: 25.05.2023).

25. Van Dijk T.A. Ideology: A Multi-disciplinary Approach. London: SAGE Publications, 1998. 384 p.

Информация об авторах

Сергей Петрович Поцелуев, доктор политических наук, доцент, профессор кафедры теоретической и прикладной политологии, Южный федеральный университет, ул. Б. Садовая, 105/42, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, spotselu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8562-6541>

Мэн Юйфэн, аспирант кафедры теоретической и прикладной политологии, Южный федеральный университет, ул. Б. Садовая, 105/42, 344006, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, 552094367@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-3747-8927>

Information about the Authors

Segey P. Potseluev, Doctor of Sciences (Politics), Associate Professor, Professor at the Department of Theoretical and Applied Political Science, Southern Federal University, B. Sadovaya str. 105/42, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, spotselu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8562-6541>

Meng Yufeng, graduate student at the Department of Theoretical and Applied Political Science, Southern Federal University, B. Sadovaya str. 105/42, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, 552094367@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-3747-8927>

Для цитирования: Поцелуев С. П., Юйфэн Мэн К специфике рецепции И. Сталина в идеологии китаизированного марксизма // Парадигмы управления, экономики и права. 2023. № 2 (8). С. 7–21. URL: https://paradigmy34.ru/issues/Parad_2023_N2.pdf